

## МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

**И.Б. Фан**

*Институт философии и права  
Уральского отделения РАН*

**Аннотация:** *Исследуя проблему выявления причин специфики модернизации в нынешней России, автор акцентирует внимание на состоянии массового сознания россиян, которому свойственны фрагментарность, архаичность, установки катастрофичности, допустимости насилия, социального недоверия, неверия в будущее. Такое сознание является постколониальным. Автор выявляет два типа факторов, влияющих на сложившуюся ситуацию: естественно историческая инерция имперской (российской и советской) культуры; активное конструирование новой государственной идеологии посредством особой символической политики. Первый тип факторов в концепциях множественных модернов (Ш. Эйзенштадт, Й. Арнасон, Р. Такер) и теории внутренней колонизации (А. Эткнд) описывается как «имперское наследие». Политический режим в нынешней России рассматривается как постимперский и посткоммунистический. В то же время в публичной сфере осуществляется особая символическая политика, направленная на конструирование государственной идеологии. Автор исследует элементы консервативной идеологии, показывает их смысл, функции, политические следствия.*

**Ключевые слова:** *массовое сознание, символическая политика, государственная идеология, политическая модернизация, имперская культура, политический порядок, политическая мифология, национализм.*

В настоящее время в России наблюдаются признаки фрагментации, архаизации и катастрофизации массового сознания. В нем эклектически сочетаются разнородные ценности и стереотипы, ему свойствен низкий уровень критического мышления, самостоятельности, рефлексии. Д. Дондурей говорил о всеобщем согласии на моральную катастрофу и описывал приметы морального распада общества [Дондурей 2015]. Происходит разрушение социального и человеческого капитала. В обществе распространены установки насилия, ненависти к внешнему и внутреннему врагу, социальное недоверие и чувство царящей вокруг несправедливости, неверие в возможность улучшения жизни в будущем.

Особенности нынешнего состояния массового сознания отражаются и в произведениях литературы и кино. И. Кукулин отмечает, что в русской литературе 1970–2000-х годов осуществляется формирование постколониального сознания. Это связано с тем, что хотя Россия не была колонией других государств, но была и во многом остается колонией собственной государственной бюрократии [Кукулин 2012: 847]. «Постколониальное сознание — рас-

щеплённое, внутренне конфликтное. Бывшие колонизаторы воспринимали себя одновременно как наследников традиции имперского завоевания, и как реформаторов или революционеров, которые хотят порвать с этой традицией и установить равноправные отношения с «туземцами» [Кукулин 2012: 848]. Постколониальное сознание российской интеллигенции раздвоено, ее представители — жертвы и палачи одновременно, они агенты модернизации, прогрессоры, действующие в интересах имперской власти, но с другой стороны, это люди, рефлектирующие над самими собой и сострадающие угнетаемым массам, правда, на языке имперской власти. Так, ни в позднесоветское или перестроечное время, ни в настоящий период память о катастрофическом насилии 1930–1950-х годов — коллективизации, Большом Терроре, депортации народов, Второй мировой войне, не отрефлектирована, а если и подвергалась осмыслению, то не для массового сознания. Главным итогом советской модернизации, отражённом в искусстве, стал носитель этого сознания — советский человек как существо «гибридное, конфликтно сочетающее черты „управляющего“ и „подчинённого“» [Кукулин 2012: 850]. Антиколониальной литературы в современной России так и не возникло, поскольку советская интеллигенция не совершила рефлексии над собственной ролью в полной мере. Сознание героев «постколониальной» русской литературы составлено из конфликтующих проекций разных культур, оно фрагментарно и двойственно.

Уже не в первый раз за последние тридцать лет российским обществом овладевает катастрофическое сознание. В гуманитарной науке осознано условие выхода из кризиса — необходимость осознания реального положения дел, демифологизация и деидеологизация культуры и практики. Но обществу не хватает ресурсов и энергии, чтобы выработать адекватный взгляд на реальность, наметить пути выхода и практически преодолеть действие сходных факторов, циклически приводящих к повторению глубоких кризисов. Необходимо разобраться, почему политическая модернизация в современной России и переход к демократии в западноевропейском духе не состоялись? Один из возможных гипотетических ответов состоит в том, что глубокая причина невозможности выйти из тенет традиционного общества и перейти к современным формам жизни, развитию, заключается в нехватке веры общества в себя, в возможность иного, в отсутствии практической воли изменить строй мыслей (культуру) и строй социальной жизни. Это скованность прошлым — фатализм, пассеизм, обусловленность «предыдущей тропой». Итак, остро стоит проблема выявления причин этой связанности общественного сознания и практики мифологемами и идеологемами прошлого.

Важно установить факторы, влияющие на консервацию прошлого в политическом порядке и в массовом сознании — в виде чувства безысходности. В какой степени эти факторы являются наследием советской политической культуры и в какой — продуктами нового «культурного производства», осуществляемого официальной пропагандой? В методологическом плане важно понять, только ли инерция культурных регуляторов является причиной имеющегося состояния культуры и общественного сознания? Какова степень действия «естественной» преемственности (наследия) советской культуры, идеологии и психологии в постсоветской культуре, и какова роль целенаправленного формирования официальной идеологии и пропаганды, способной активизировать дремлющее коллективное бессознательное и насаждать «новые старые» мифологемы, идеологемы, социально-психологические стереотипы? Таким образом, выявляется два типа факторов, влияющих на характер модернизации в России. Первый тип — это пассивные факторы, складывающиеся в естественно-историческую инерцию культуры. Второй тип факторов — политика активного конструирования новой государственной идеологии на основе интерпретации инерционных процессов в культуре.

### *Анализ факторов формирования современного политического порядка в России*

Именно «имперское наследие» рассматривается рядом зарубежных и отечественных авторов в качестве фактора, определяющего специфику советской и постсоветской модернизации в России и других посткоммунистических странах. М. Масловский анализирует возможности концепции множественных модернов для исследования характера имперского наследия [Масловский 2015]. Эта концепция, представленная Ш. Эйзенштадтом, Й. Арнасоном, Р. Такером и другими, показывает связь последующих цивилизаций с имперскими политическими структурами, их «зависимость от колеи». Й. Арнасон сформулировал концепцию «имперской модернизации». Он считает, что стратегия индустриализации российского самодержавного государства с 1860-х годов может быть понята в свете имперских амбиций в условиях утраты статуса великой державы, вовлеченной в глобальное соперничество, и стремления к его восстановлению [Масловский 2015: 161]. Истоки естественной инерции в нынешней российской культуре, таким образом, восходят к характеру модернизации в Российской империи.

В настоящее время инерция культурных регуляторов, на наш взгляд, состоит в невозможности выйти за рамки традиций советского Модерна, отягчённого путами структур и символов российской империи. Отсюда незавершённость многих (экономических, политических и правовых) реформ. Истоки и характер имперской культуры, ставшие инвариантными характеристиками, тем самым «имперским наследием», видным в политической культуре советского и нынешнего времени, показаны в концепции внутренней колонизации А. Эткинды. Автор характеризует колониализм имперской России как специфический — «внутренний» по характеру, в отличие от западноевропейского колониализма. «Внутренняя колонизация» России — особая культурно-политическая практика, которая сложилась в имперские времена и продолжает воспроизводиться в постсоветской ситуации. Элиты имперской России осуществляли колонизацию путём насилия и выстраивания культурной дистанции между колонизаторами и «туземцами», в качестве которых рассматривались и присоединённые народы Российской империи, и собственное население. Способы и методы внешней колонизации переносились на центральные губернии. Метрополия и колония были одним телом, господном над которым был император. В составе имперской культуры важно различать две «идеологии» имперского управления — империализм и колониализм. Первый связан с экспансией и господством над территориями, а второй — с политикой захвата и эксплуатации территорий, подчинением и аккультурацией живущего на них населения [Кукулин 2012: 853–854].

А. Эткинд описывает особенности имперской культуры на обширном материале. Нам важно их перечислить, чтобы посмотреть на сегодняшнюю массовую культуру и сознание. Итак, одну из базовых особенностей имперской культуры составляет погоня за ресурсами, которая стала причиной систематического расширения границ государства, формирования его характера и структуры. «Ресурсная зависимость» создала саму необходимость внутренней колонизации. Государство строилось на перераспределении доходов, полученных от монопольной торговли тем или иным ресурсом (пушниной, людьми, нефтью). Ресурсозависимое государство создаёт огромный аппарат безопасности для защиты транспортных путей и финансовых потоков от партнёров и соседей как потенциальных врагов. Параллельно складывается массивная административная система перераспределения ресурсов, преследующая собственные интересы и присваивающая значительные объёмы материальных благ. В таком государстве складывается двойная монополия на легитимное насилие и легитимные ресурсы [Эткинд 2014: 110]. Ресурсы, безопасность и идеология враждебного окружения и сейчас об-

разуют институциональный и мифо-идеологический фундамент ресурсозависимого государства.

Вторая особенность имперской культуры — наличие постоянно перемещающейся границы [Эткинд 2014: 94]. На протяжении веков граница колонизации двигалась во всех направлениях — Новгород, Казань, Кавказ, Среднюю Азию, на восток. Приграничные пространства не осваивались, а народы, проживавшие там, уничтожались, вытеснялись или ассимилировались. Россия возникла в результате тысячелетней «славянской колонизации» земель, которые принадлежали финнам, татарам, якутам — всего более ста народам. Российская имперская культура — культура самоколонизирующая. Одним из инструментов колонизации были массовые переселения в Сибирь, Среднюю Азию, на Дальний Восток. В ходе колонизации и сформировалось российское государство и его территория.

Ещё одна существенная черта имперской культуры состоит в том, что массовое насилие (войны на рубежах) выступало в качестве «естественного» способа колонизации. Россия в разные периоды захватила Урал, Сибирь, Крым, Финляндию, Польшу, Украину, балтийские земли, арктический Север. «...Колониальная терминология совсем исчезла из официального дискурса в начале 1930-х, когда советское правительство вело самую массовую колонизацию России самыми жестокими в ее истории методами — коллективизацией и ГУЛА-Гом» [Эткинд 2014: 107]. Имперская культура использовала значительный арсенал идей и практик принуждения — военного, гражданского и символического насилия, контроля и дисциплинирования населения. Истоки имперских богатств и власти — в кровавых сырьевых товарах, изымаемых у коренного населения путём неэквивалентного обмена. Это «низкое происхождение величия» [Эткинд 2014: 132]. Вытеснив эти народы с их земель, имперская культура ещё и уничтожила память об их страданиях.

Насилие создаёт возможность колониальной эксплуатации, что порождает тенденцию к экстенсивному хозяйствованию и формированию неконкурентоспособной экономики. «Ресурсное проклятие» действует до сих пор. Сейчас государственное управление в России ориентируется на традиционные формы хозяйствования и социальной жизни, воспроизводя архаические технологии и отношения.

Ещё одной особенностью имперской культуры является ее милитаристский характер, что выражается во многих явлениях, и в первую очередь, в отношении центра и периферии. Это окончательно выкристаллизовалось при Петре I. Центр составляла военная столица со всеми ее атрибутами — Петропавловской крепостью-тюрьмой, императорской гвардией и т. д. Столица воплощала и демонстрировала полную власть дворянства над другими сословиями и периферийными пространствами империи. Разнообразие в организации империи регулировалось на основе сословного законодательства как универсальной матрицы управления. Для каждого сословия были созданы особая правовая система, свой набор обязанностей и прав, свои суды и т. д. В 1927 г. сословное право было отменено, но принцип «социального происхождения» был положен в основу нового сословного деления общества в СССР и обратной дискриминации в отношении дворянства, духовенства, купечества. Но и в постсоветской России вновь утверждается особая система сословий [Кордонский 2008].

Внутренняя структура ресурсозависимого государства базируется на глубоком разделении на элиту и население. Элита составляет аппарат государства, контролирует торговлю ресурсом, обеспечивает безопасность, перераспределяет ренту. Здесь уместно будет вспомнить Д. Норта: «В естественном государстве» доминирующая группа ограничивает доступ к ценным ресурсам путём организации государственной религии и других средств, создаёт на их основе ренту и управляет населением с помощью прямого и символического принуждения и благотворительности [Норт 2011: 95]. Роль культуры в имперской политической системе заключается в легализации и легитимизации имперской власти путём конструирования

нии сословий и норм культурного дистанцирования (сословного законодательства). Человеческий капитал в таком государстве избыточен, поэтому ценность человеческой жизни в этой культуре отсутствует. Общественное богатство нации не зависит от труда людей. Культура управления в российском государстве детерминирована отношением элиты к собственному населению как неиссякаемому и малозначимому ресурсу.

Наличие сословной структуры и сословного неравенства — существенная черта имперской культуры. Культурная дистанция между сословиями воплотилась в общей схеме крепостного рабства. Русская православная церковь освящала сословное неравенство и различия между крестьянами и дворянами, которые будучи христианами, владели другими христианами (крестьянами) как собственностью.

Социокультурная дистанция между управляющими и управляемыми в имперской России, полярность дворян и народа, положение народа вне государственной жизни и закона, взаимное непонимание и взаимная зависимость определяли способ осуществления, характер и режим имперской власти в России. Способ обращения высших слоёв общества с низшими, глубокое неравенство, обусловленное характером обращения колонистов с колонизируемыми со времён Рюрика, стал моделью памяти в истории и культуре России. Память о норманнском завоевании лежала в основе этого коренного отношения в российском государстве. Но эта память не была осознана. «Отрицание насилия в прошлом и настоящем было риторической стратегией русского национализма и российского империализма» [Эткинд 2014: 176].

Основными институтами внутренней колонизации и механизмами имперской культуры стали не прямое правление народами империи, крепостное право, русская община, черта оседлости, Министерство внутренних дел и Русская православная церковь. Эти институты превратили насилие во власть и сформировали облик России нового времени. Империя постепенно выработала способ управления внутренними колониями путём эксплуатации закрытой общины.

Ещё одна установка лежала в основании имперской культуры — страх элиты и чиновников перед анархической силой русской толпы и внутренними беспорядками. Понятны причины особой роли в имперском управлении Министерства внутренних дел, важнейшего института централизованной внутренней колонизации. Вопреки его главной функции — обеспечения внутреннего политического и правового порядка, Министерство внутренних дел осуществляло правовую, административную и сельскохозяйственную реформы, что изначально определяло их неэффективность. Имперская культура управления знала периоды чрезвычайного положения на всей территории империи и периоды режима полицейского государства, осуществляемого гражданской администрацией. Русской модели управления присущ неконкурентный, мобилизационно-распределительный характер, в ее функционировании выделяется две фазы — аварийно-мобилизационная и стабильная, застойная [Прохоров 2013: 78, 252]. В миссии Министерства внутренних дел заключалось внутреннее противоречие — оно завоёвывало собственные земли в мирное время и защищало элиту от подданных во время войны. Империя обирала население, это и было причиной потенциального недовольства и бунтов.

Имперское наследие, в соответствии с концепцией Й. Арнасона, является одним из основных компонентов формирования и динамики советской версии модерна. Большевицкое правительство унаследовало и геополитическое положение, и структурные проблемы Российской империи, и традицию трансформации общества, осуществляемой сверху. Особенностью сталинского режима и «революции сверху» конца 1920-х годов является стратегия революционной трансформации — воссоздания имперских структур на новых — идеологических основаниях в логике имперской модернизации. Имперские элементы советского го-

сударства включали особую интерпретацию основополагающего мифа российской империи как великой державы, заместив положения о самодержавии и православии на революционную идеологию, но сохранили установку на самодостаточную трансформацию в виде идеи построения «социализма в отдельно взятой стране» (аналог идеологии «особого пути России»). Советская модель общества, по мнению Й. Арнасона, это «альтернативная форма модерна», даже «особая цивилизация», это «модерн без свободы» [Арнасон 2011: 28, 30]. Геополитические аспекты имперского наследия определили и распад СССР после 1980-х годов. Чрезмерное расширение территории «советской империи» привело к ресурсному перенапряжению, которое создало условия для государственной дезинтеграции. Й. Арнасон вывел закономерность: траектория выхода из коммунизма в постсоветских странах детерминирована имперским наследием коммунистического периода. Проблемы посткоммунистического транзита во всех посткоммунистических странах, включая Россию, которая являлась центром советской империи и советской модели модерна, связаны с наследием распадающейся советской модели модернизации.

Концепция множественных модернов полезна для исследования постимперских политических трансформаций в российском обществе. Однако анализ наследия советской империи пока не осуществлён в полной мере. С. Хэнсон полагает, что политический режим современной России — пример «постимперской демократии». Делая сравнительный анализ России 1990-х гг., французской Третьей республики 1870-х гг. и Веймарской республики в Германии, С. Хэнсон выявляет закономерность: наследие имперских институтов накладывает ограничения на действия новых демократических элит. Специфика современного российского политического режима в отличие от других «постимперских демократий» (Франции и Германии), по мнению С. Хэнсона, состоит в том, что российский политический режим 1990-х гг. являлся не только постимперским, но и посткоммунистическим, его наследием являются имперские структуры и фрагменты политической идеологии. Он допускает, что советская система могла представлять совершенно иной тип модерна — отдельную и, в конечном счёте, саморазрушительную цивилизацию. Цивилизационный подход, используемый в концепции множественных модернов, не в полной мере позволяет объяснить динамику социальных изменений, но и его стоит учитывать.

По мнению П. Аснера, Россия не обладает необходимыми ресурсами для того, чтобы реально быть Великой державой в отношениях с Западом, нет у нее и последовательной идеологии, оправдывающей противостояние с Западом. Правящая элита имитировала демократию в 1990-е и начале 2000-х гг., в настоящее время ее политика во многом определяется имитацией превращения России в великую державу. Всплеск имперского национализма во время присоединения Крыма — доказательство сохранившегося влияния наследия советского модерна на политические процессы в современной России. По мнению А. Верховского и Э. Паина, одним из элементов имперского наследия являются разные виды цивилизационного национализма: коммунистический, черносотенный, православно-фундаменталистский, неоевразийский и неонацистский [Верховский 2010: 178–183].

Инерция отечественных культурных регуляторов в нынешней России связана с инерцией внутренней культурной колонизации как сути имперского управления. Однако это лишь один пласт проблемы. Второй тип факторов, под воздействием которых складывается нынешний политический порядок и массовое сознание — это политика активного конструирования новой государственной идеологии, в том числе конструирование имперских традиций. Обществу не позволяют совершить рефлекссию над собой, проводя особую символическую политику — «государственную» политику памяти и «культурную» политику посредством управления институтами культуры, образования, информации. На всю мощь работает машина манипулирования общественным мнением, использующая весь арсенал средств пропаган-

ды, цензуры, самоцензуры и т. п. Массированно применяемые технологии манипуляции общественным мнением стали новым способом внутренней колонизации. Политические технологии конструируют новые элементы исходного мифа, либо реинтерпретируют и актуализируют содержание старого политического мифа в интересах легитимации нынешнего политического режима.

Особую роль в описанном состоянии массового сознания и культуры играет совокупность политических технологий и практик, главной из которых является пропаганда. Служа инструментом мобилизации населения на поддержание наличного политического режима, пропаганда воспроизводит и комбинирует стереотипы имперского прошлого — советского и дореволюционного российского. Государственная политика в сфере культуры, образования и информации направлена на монополизацию официального взгляда на историю и культуру России, на дискредитацию иных теоретических и идеологических представлений. Это и есть символическая политика. О. Малинова определяет ее как «деятельность, связанную с производством определённых способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» [Малинова 2012: 10]. Она не сводится к манипуляции общественным мнением и конструированию «мифов», но учитывает вопросы восприятия различных идей и конструктов массовым сознанием. Символическая политика тесно связана с попыткой создания государственной идеологии, легитимирующей нынешний политический порядок и интерпретирующей политическую реальность в интересах властвующей элиты.

Примером целенаправленного конструирования политической мифологии как стержня «Большого национального проекта», национальной идеологии, являются идеи А. Кольева (А.Н. Савельева). Ещё в 1990-е годы А. Кольев и его сподвижники разработали программу внедрения сконструированной ими политической мифологии в массовое сознание. А. Кольев собрал воедино комплекс конструктов политической мифологии и показал технологии конструирования политических мифов как один из инструментов партийного и государственного строительства. Он представляет идеологию особого типа консерватизма, суть которого составляет «чувство национального унижения и порыв к восстановлению России как великой державы... [Кольев 2003: 322]. Объектами критики для идеологов «консервативной революции» являются институты формальной демократии, космополитизм, западные ценности. «Положительные основы „консервативной революции“ — концепция «особого пути» и национальное возрождение, новая коллективность и гражданственность, воинский дух, национальный лидер» [Кольев 2003: 323]. С идеей «особого пути», по мнению данного автора, связаны представления о национальной миссии, богоизбранности, являющиеся основой формирования имперской нации. «Новый консервативный коллективизм» позволяет восстановить в народе сознание единства Отечества (нации). Обосновывается подчинение личности государству, ее несвобода. «Символы и мифологические сюжеты воинской культуры» — основа милитаристского сознания. Идея национального лидера, способного применить насилие, идея, основана на патриархальных представлениях о задачах власти. Так осуществляется воспроизводство черт имперской культуры.

Консерваторы данного типа считают, что в основе формирования нации лежит Большой национальный миф, выстроенный вокруг особого исторического момента (Победы или Поражения) и связанной с ним архетипической травмой (или восторгом), зафиксированной в бессознательном. В качестве такого события в главном политическом мифе была избрана победа в Великой Отечественной войне, а в качестве национального образа сверхчеловека — Сталин. Главный политический миф, необходимый России, миф национальной идеи включает два тезиса: 1. «Россия — русская страна, в которой русская нация живёт в содружестве с другими коренными народами. Национальная идея России — это русская идея; 2. «Государственная идея России — это идея Империи» [Кольев 2003: 330].

Русская идея отражает национальную мифологию и включает русскую философию, концепцию русской истории, русскую геополитику и геоэкономику, русскую политологию, изучающую формирование национальной элиты и пути ее прихода к власти. Русский миф является для него основой национально-государственной или имперской идеологии, призванной решить задачи построения Империи. основополагающими моментами русской имперской идеологии являются для него «консерватизм (традиционализм, русизм, корпоративизм, технократизм) и реваншизм (оптимизм, культурный и технологический экспансионизм, милитаризм)» [Кольев 2003: 358].

Элементы данной идеологии уже подвергнуты критическому анализу. Так Б. Дубин проделал тщательный анализ концепта «особый путь России» и изоляционистской мифологии [Дубин 2010: 9]. Функция мифологемы особого пути связана со стратегией воспроизводства социокультурных различий между «мы» и «они», фиксация запрета, барьера между ними. Это признак архаизированного сознания. Однако мифологема особого пути — лишь часть «русского мифа» как нового проекта власти. Неявную основу новой государственной идеологии, с точки зрения Э.А. Паина, составляет имперский национализм. Наиболее полно эти идеи выражены в программном выступлении В. Путина [Путин 2012], где Россия характеризуется как «полиэтническая цивилизация», суть «единого культурного кода» которой заключается в мессианской роли русских и создании самого большого в мире государства. Эти идеологемы являются признаками имперского дискурса, хотя понятие «империя» в речах политического лидера не упоминается. Речи воплотились в политике присоединения Крыма к России в 2014 г.

Начиная с 2000-х годов исследователям стало очевидно, что причины срыва политической модернизации в России в духе стран центра мир-системы связаны с целенаправленным восстановлением политиками элементов имперского наследия. Э.А. Паин характеризует понятие имперского синдрома, присущего сознанию постсоветского человека, через такие элементы, как «имперский порядок» («имперская власть»), «имперское тело» и «имперское сознание» [Паин 2015: 61]. Под имперским порядком понимается политический режим империи, антипод демократии, заключающийся в игнорировании воли граждан и их ассоциаций при осуществлении власти, доминировании государственной власти в организации повседневной жизни. Введение федеральных округов в 2000 г. и отмена выборов губернаторов в 2004 г. — признаки восстановления имперского порядка. «Имперское тело» — территория страны, разделённая на регионы, разные по степени экономического и культурного развития, и сохраняющие исторические следы колониальных завоеваний и постоянного освоения завоёванных земель: преимущественно вертикальные хозяйственные связи, компактное расселение колонизированных этнических общностей, особый дискурс местных элит — «Мы и Россия». «Субъекты РФ» — части «имперского тела», поскольку они объединены на основе административного принуждения и фактически лишены политической субъектности.

«Имперское сознание» содержит сложный комплекс традиционных стереотипов массового сознания, например, подданнические установки, этатизм, надежды на «мудрого царя» и «сильную руку», а также великодержавные амбиции. Элитарные разновидности «имперского сознания» связаны с геополитическим эссенциализмом, который составляют представления о российской «уникальной цивилизации», навечно сохранившейся в «русской душе», и о постоянной угрозе ей со стороны «цивилизации запада» [Паин 2015: 62]. Эти идеи были актуализированы в элитарных кругах современной России не без влияния профессиональных идеологов и пропагандистов — членов «Изборского клуба», А. Проханова, неоевразийцев, А. Дугина, реабилитировавших идею империи в досоветском варианте и т. д. Они подпитывают и разжигают страхи масс перед захватом «имперского тела» внешними или внутренними врагами, возбуждают массовые настроения патриотизма, милитаризма и готовности



отдать всё ради геополитических интересов и величия России. «Имперское сознание оживает только в случае, если его сознательно активизируют заинтересованные политические силы.

В 2000-е годы в качестве средства-технологии легитимации правящего режима вполне себя оправдывала имитация демократии. Реальная политическая модернизация и демократизация в планы правящих групп не входила. Но технологии имитации демократии перестали срабатывать. Государственный аппарат саботировал реальную демократизацию — разделение властей, парламентаризм, конституционализм и прочее. Поиски национальной идеи, два десятилетия не приводившие к значимым результатам, вдруг увенчались «успехом» — возрождением мифа о Великой России. Изобретением был не сам миф, но технологии его распространения. Сконструированы были старые элементы имперской культуры, в том числе традиции. Была создана новая-старая идеология — абсолютно циничная совокупность конструктов, созданная для прикрытия истинных интересов правящих групп. В ее составе православные догмы, штампы советской идеологии и т. п., но содержание — дело второстепенное. Устойчивым ядром новой идеологии стал миф о Сталине, в нем воплотились и идеи величия, великодержавности (отголоски идеи «Третьего Рима»), и лозунга «Православие. Самодержавие. Народность». Обратной стороной символической политики и порождаемой ею государственной идеологии является низкая оценка жизни отдельного человека, личности из массы. Вот инвариантная характеристика имперской, советской и постсоветской культуры, это стержень наследия, которое мы получили, и важнейший способ управления обществом, контроля над населением. Самым существенным следствием инерции и конструирования имперской культуры является воспроизводство в современном массовом россияне советского (имперского) человека, главным качеством которого является его объективная и субъективная зависимость от власти, низкий статус рядового индивида в государстве, статус подданного в его архаическом значении. Источник такой символической политики — сложившийся в России политический порядок — неопатримониальный режим как разновидность авторитаризма. Важнейшим фактором формирования такого политического порядка и этапа модернизации в современной России является ее периферийное положение в мировой экономической и политической системе.

---

Арнасон Й. 2011. Коммунизм и модерн. — *Социологический журнал*. — № 1. — С. 10–34.

Верховский А., Паин Э. 2010. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути». — *Идеология особого пути в России и Германии: истоки, содержание, последствия* / Под ред. Э. Паина. — М.: Три квадрата. — С. 178–183.

Дондурей Д. 2015. «Все согласны на моральную катастрофу». — Доступно: <http://www.novayagazeta.ru/society/4935.html>. — Проверено: 28.04.2017.

Дубин Б. 2010. «Особый путь» и социальный порядок современной России. — *Вестник общественного мнения*. — № 1 (1–3). — С. 8–23.

Кольев А.Н. 2003. *Политическая мифология: Реализация социального опыта*. — М.: Логос. — 384 с.

Кордонский С. 2008. *Сословная структура постсоветской России*. — М.: ФОМ. — 213 с.

Кукулин И. 2012. «Внутренняя постколониализация»: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970–2000-х годов. — *Там внутри. Практики внутренней ко-*

лонизации в культурной истории России: Сб. статей/ Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение. — С. 846–909.

Малинова О.Ю. 2012. Символическая политика: Контуры проблемного поля. — *Символическая политика*. — Вып. 1. — М.: ИНИОН РАН. — С. 5–16.

Масловский М. 2015. Изобретение имперской традиции и множественные модерны: очерк концепций. — *Неприкосновенный запас*. — № 6 (104). — С. 159–169.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*/ пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. — М.: Изд. Института Гайдара. — 480с.

Паин Э.А. 2015. Имперский национализм (Возникновение, эволюция и политические перспективы в России). — *Общественные науки и современность*. — № 2. — С. 60–76.

Прохоров А.П. 2013. *Русская модель управления*. — 2 изд., испр. — М.: Издательство Студии Артемия Лебедева. — 490 с.

Путин В.В. 2012. Россия: национальный вопрос. — *Независимая газета*. — 23 января.

Эткинд А. 2014. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России* / авторизов. пер. с англ. В. Макарова. 2-е изд. — М.: Новое лит. обозрение. — 390 с.